

Сергей СУЛЯК

РУСИНЫ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

В середине октября 2009 г. во время встречи премьер-министра Республики Молдова с главами республиканских этнокультурных организаций руководитель одной малочисленной украинской общины, выходец с севера Молдавии, заявил, что были попытки создать каких-то там русинов (руснаков), которые они, члены общины, «решительно пресекли». После этого он все оставшееся время сидел, насупившись, с красным лицом. Присутствующие тактично промолчали. Странно было слышать подобное из уст человека, который должен был помнить, что «какими-то там русинами (руснаками)»¹ были его предки: отец, дед, прадед... В своей книге «Тайная история Украины-Руси» известный украинский публицист О. Бузина отметил этот феномен: «**Страшная все-таки вещь – потеря исторической памяти.** Если вы спросите нынешнего галичанина о сталинских репрессиях, он радостно закивает головой, но ничего не вспомнит о Талергофе. Так, словно его и не было»².

Статья черновицкого исследователя И.Г. Буркута «Историческая судьба галицкого и буковинского русинства. Финал» выделяется на фоне этого «всеобщего забвения». Некоторые высказывания автора настолько созвучны моим, что я готов под ними и сам подписаться.

В частности, я разделяю мнение автора в следующем:

- во второй половине XIX в. общерусские идеи были весьма популярны среди галицких и буковинских крестьян, задавленных непосильным налоговым гнѐтом и подвергавшихся насильственной ассимиляции;

- в массовых репрессиях австро-венгерских властей против русинов последним помогали «**наушники-украинцы**»³;

- румынские власти проводили политику раскола восточнославянского населения с целью его ускоренной ассимиляции. Хотя, по моему мнению, наличие в графе переписи 1930 г. названия «рутены-украинцы» (ruteni-ucrainieni) (и языка «рутенский и украинский» (ruteană și ucraïneană)), к которым румыны причислили всех, кто назвал себя рутенами, украинцами, малорусами, руснаками, в отличие от русских (великороссов), которых они называли «tus (muscal)»⁴, свидетельствует не только о направленности национальной политики Румынии, но и о **начавшемся после 1917 г. размывии этнического сознания са-**

мого **русинского населения** Марамуреша, Буковины и **русинского и малорусского населения** Бессарабии;

- галичане пожилого возраста в 1950-е гг. говорили: «Ми, руські люди», как правило, добавляя: «Ми є руські, а не москалі». Действительно, считая себя русскими, галичане-русины в то же время понимали, что в этнокультурном плане они несколько отличаются от великороссов (москалей), как, впрочем, и от малороссов и белорусов;

- после окончательной победы большевиков Украина стала советской социалистической республикой, в которой утвердился этноним «украинцы» и уже не употреблялся термин «малороссы», тем более, не проповедовалась теория «**единого русского народа**».

Импонирует заключительная часть материала, в частности, то, что «львовские и черновицкие историки стремятся **объективно** оценить прошлое русинства, **непредубеждённо** рассмотреть зарождение и развитие противоборствующих идейно-политических движений в его среде». Увы, пока это удается в редких случаях.

В то же время некоторые суждения автора, в частности, о так называемой «значительной помощи от России», оказываемой русофильским организациям, о шоке, «который испытали буковинцы, впервые столкнувшись с русскими солдатами», украинцах, «казненных на Буковине за шпионаж в пользу австрийцев», о негативной реакции населения на деятельность русской администрации и военных и т.д., недостаточно аргументированы. Ряд положений автор пытается подать как общеизвестные истины, что, к сожалению, не соответствует действительности. Часть приводимых «аргументов» содержится в его статье «Русины Буковины: историческая судьба этнонима», напечатанной в 2004 г. в кишиневском журнале «Мысль»⁵. В этом же номере журнала опубликовано мое мнение по данному материалу: «Замена этнонима – прелюдия этнокультурной трансформации»⁶. Эта статья размещена в Интернете, доступна каждому, поэтому, чтобы не повторяться, позволю себе затронуть только некоторые вопросы, поднимаемые буковинским исследователем.

Выражает недоумение попытка автора поставить в один ряд якобы проведенные русской администрацией репрессии против «активных деятелей украинских организаций», «казни за шпионаж в пользу австрийцев», «проявления "вандализма" освободителей» с геноцидом русинов со стороны австро-венгерских властей. Исследователь подчеркивает, что «русинское население Галиции и Буковины на себе почувствовало всю тяжесть массовых репрессий со стороны австрийских властей после отступления оттуда русских войск». Однако он умалчивает, что в Австро-Венгрии «шпиономания» как «эффективное» средство подавления русинского движения стала набирать силу еще до войны (к примеру, с 1909 г. начинается волна арестов в австрийской части Букови-

ны, а в мае 1910 г. с подачи украинского националиста, румына по происхождению, Н. Василько было закрыто большинство русинских организаций Буковины, стоявших на общерусских позициях), а сами массовые репрессии начались с первых дней войны. По заранее заготовленным спискам была арестована наиболее пассионарная часть русинов, придерживавшихся общерусской ориентации. Вероятно, в этом и кроется причина комплектования администрации Галицкого военного генерал-губернаторства в основном приезжими чиновниками из России.

Активную помощь австро-венгерским властям «в выявлении» «москвофилов» оказывали активисты украинских организаций. Тюрмы были переполнены. К 28 августа 1914 г. только во Львове было 2000 узников. Именно в Австро-Венгрии возникли первые в Европе концлагеря, среди них наиболее известны Талергоф и Терезин, созданные специально для русинов. Первая партия заключенных была пригнана в Талергоф 4 сентября. Немало гражданского населения было уничтожено без суда и следствия. К примеру, общеизвестен случай убийства гонведами 44 гражданских лиц в Перемышле 15 сентября 1914 г.⁷ Поэтому слова о некоем «бумеранге», который возвратился к «москвофилам» после отступления русских войск, в данной ситуации вряд ли применимы. В то же время нельзя не согласиться, что «общее число казнённых по приговору военно-полевых судов, убитых во время жестоких внесудебных расправ, погибших при высылке в концлагеря Талергоф, Терезин и др., а также умерших от эпидемий и тяжёлых условий пребывания в лагерях невозможно подсчитать с достаточной точностью». Фактов о зверствах австро-венгерской военщины имеется достаточно, и опровергнуть их невозможно.

В то же время приведенные И.Г. Буркутом свидетельства о бесчинствах русской армии больше похожи на образцы австрийской пропаганды времен Первой мировой войны. К примеру, вызывают сомнения приведенные данные о расстрелах по доносам «москвофилов». Хотелось бы ознакомиться с источником, но в монографии черновицкого историка В. Заполовского, откуда взята эта информация, никаких ссылок на источники нет⁸. Кстати, в статье «Русины Буковины: историческая судьба этнонима» приводится письмо некоего анонимного русского солдата, служившего неизвестно на каком участке фронта и пишущего о насилиях над некими «австрийскими женщинами», которое взято с той же страницы вышеупомянутой монографии⁹. Оказывается, историк приводит текст письма, якобы не пропущенного российской военной цензурой, взятый с Интернет-сайта, которого в настоящее время не существует. Вот так выглядит ссылка: 353 а. «Любить по-русски»: (Любовь и секс на полях Первой мировой войны сквозь призму военной цензуры) / Разница во времени // www.svoboda.org/programs/

TD.030100.shtml¹⁰ На сегодняшний день этой ссылки не существует¹¹. Согласитесь, весьма странная ссылка для серьезной научной работы. Это еще раз подчеркивает необходимость внимательного подхода к выбору цитируемых источников. Свидетельства «очевидцев» тоже вызывают сомнения: слишком видна определенная политическая ориентация их авторов, а само описание событий явно из области беллетристики.

Несколько слов о «шоке», который якобы испытали буковинцы при встрече с русскими солдатами: до Первой мировой войны буковинцы массово приходили на заработки в Бессарабскую губернию, часть из них оставалась здесь, переселяясь на новое место семьями. Поэтому с российскими чиновниками, военными и т.д. буковинские русины встречались и до войны. Кроме того, в рядах русской армии, освобождавшей Буковину и Галицию от австро-венгров, было немало русинов и малороссов. Воевал за Галицию и мой дед Георгий. А мой прапрадед пришел в Бессарабию из Австрийской Буковины. В селах Бессарабии, где проживали русины, выходцы из Буковины и Галиции, накануне войны оставалось немало лиц, сохранивших австро-венгерское подданство. Но никаких репрессий против них в годы войны не было. Русины официально признавались частью русского народа, и, как указывалось в первом (и последнем) заведенном в 1867 г. канцелярией губернатора деле «Об австрийскоподданных, прибывающих в Бессарабскую область в большом количестве», «по настоящее время не поступало никаких донесений, порицающих достоинство проживающих в Бессарабии лиц австрийского подданства или дающих право заключить о их неблагонадежности»¹².

Спорно и утверждение, что именно «террор австро-венгерских властей действительно нанес смертельный удар русофильскому движению». Ведь, как указывает исследователь, после войны, несмотря на польский националистический гнет, в Галиции возродились русинские организации, выходили периодические издания, книги. Во время переписи, проведенной в Польше в 1931 г., 1 196 855 галичан определили свою национальную принадлежность как «русские»¹³. Далее и сам автор заключает, что именно сталинские репрессии после присоединения Северной Буковины и Восточной Галиции к СССР «поставили крест на прежних русофильских симпатиях местного населения», а «жертвами террора стали члены политических партий и активисты многих общественных организаций, в том числе и русофильских». А ранее «красная Москва сделала ставку не на русофилов-монархистов, а на членов основанной в феврале 1919 г. Коммунистической партии Западной Украины и возникшей в ноябре 1918 г. Коммунистической партии Буковины».

Однако и после Второй мировой войны русские галичане (*терминология Н.М. Пашаевой - С.С.*) продолжали вести научную и практическую работу. Они стали скромными советскими служащими. Среди них В.Р. Ваврик, Р.Д. Минович, С.Ю Бендасюк, К.М. Гавришков и другие. К сожалению, до сих пор их деятельность недостаточно исследована¹⁴.

Упомянем также о военных формированиях из военнопленных: Чехословацком корпусе (в его составе воевала Карпаторусская дивизия) и двух дивизиях, сформированных немцами из военнопленных-малороссов. Здесь предоставим слово генерал-полковнику Э. Людендорфу, который в 1916-1918 гг. руководил всеми вооруженными силами Германии и которого трудно заподозрить в русофильстве. Описывая германо-австро-венгерское наступление на Украине в начале 1918 г., он пишет: «Большевицкие войска оказывали лишь незначительное сопротивление, чехословацкие войска, составленные из австро-венгерских военнопленных, дрались много лучше, и с ними дело доходило до ожесточенных боев. Наступление и бои продолжались даже еще в мае. Главнокомандующий Восточной зоной немедленно приступил к формированию в Германии двух дивизий из пленных солдат украинского происхождения, которые были отобраны военными министерствами. Но они оказались не на требуемой высоте: прибыв в Украину, эти солдаты тотчас были охвачены радикальным политическим течением, и в результате эти дивизии пришлось расформировать. Это было очень печально. Антанта умела использовать своих военнопленных, и я надеялся, что на этот раз сыновья освобожденной нами от большевистской власти земли несколько облегчат нам задачу»¹⁵.

Нельзя не согласиться с мнением А.В. Марчукова, что к 1917 г. процессы строительства украинской нации были далеки от завершения, украинская идентичность и украинское сознание только начали проникать в массы, несмотря на то, что вместе с распадом Российской империи сошел на нет проект создания общерусской нации¹⁶.

Один из наглядных примеров этому - боевой путь Галицкой армии. В июле 1919 г. Галицкая армия отступила на территорию бывшей Российской империи. Здесь она была вынуждена принять участие в гражданской войне. В тот период, по свидетельству О. Субтельного, среди всех армий, воевавших на Украине, Галицкая армия, насчитывавшая около 50 тыс. бойцов, была наиболее дисциплинированной и боеспособной по сравнению с другими армиями, воевавшими на территории Малороссии¹⁷. Несмотря на переход УГА и президента (диктатора) ЗУНР Е. Петрушевича на территорию Малороссии, полного объединения с Директорией не произошло (хотя еще в январе была провозглашена «Великая соборная Украина»). Н. Полонская-Василенко полагает, что объединение двух правительств было невозможно по идео-

логическим и личным причинам. Руководство УНР готово было принять программу большевиков и вступить в союз с Советской властью. Правительство ЗУНР было беспартийным и антисоциалистическим. Оно готово было заключить соглашение с Деникиным. Немалую роль играли и личные взаимоотношения между Петлюрой и Петрушевичем¹⁸. О. Субтельный, вместе с политическими расхождениями, также указывает глубокие культурные и психологические различия¹⁹.

Эти противоречия особенно проявились в августе 1919 г. 30 августа большевики без боя оставили Киев. 31 августа около полудня в город вошли три корпуса под командованием галицкого генерала А. Кравса (1-й и 2-й Галицкие корпуса и Надднепрянская группа запорожцев). Планировалось провести парад. Однако в это же время к Киеву подошла пехотная бригада ВСЮР под командованием генерал-майора барона Максимилиана Штакельберга. Его бригада входила в группу генерал-лейтенанта Н.Э. Бредова. Хотя деникинцев было всего три полка против трех корпусов А. Кравса, он вступил в переговоры от имени группы галицких войск с генералом Н. Бредовым и подписал договор об отходе своей группы войск от Киева. Как указывала Н. Полонская-Василенко, тому, что случилось в Киеве 31 августа, нет до сих пор объективного описания²⁰. На мой взгляд, руководство Галицкой армии рассматривало командование Вооруженных сил Юга России как представителей русской законной власти. Такого же мнения придерживается и А.Б. Горянин²¹. Причем Н. Бредов отказался вести переговоры с петлюровскими генералами, рассматривая их как предателей. Он заявил, что если на переговоры пребудет М.В. Омелянович-Павленко, бывший полковник царской армии, то он будет расстрелен²².

Через несколько дней Петлюра все же уговорил галичан вступить в бой с деникинцами. Хотя до этого галицкое правительство заявляло об отсутствии какого-либо конфликта между ним и Деникиным. По словам О. Субтельного, «украинские армии, обозленные одна на другую и втянутые в нежелательный конфликт с белыми, отошли на запад. На этом, в сущности, закончилась борьба за украинскую государственность. Дальше шел уже запутанный и трагический эпилог»²³. А.И. Деникин во время боевых действий с петлюровцами указал своим войскам на необходимость «дружелюбного отношения к галичанам, с целью извлечь их из подчинения Петлюре. Если же этого достигнуто не будет, то считать и их враждебной стороной». С августа по ноябрь в боях против петлюровцев «участвовало 8-10 тысяч бойцов, преимущественно местного укомплектования» (*т.е. в основном малороссов – С.С.*), причем временами довольно значительная часть войск отвлекалась для борьбы с Махно и другими повстанцами. К концу октября в результате двухнедельных боев сопротивление петлюровцев было сломлено, и «они вынуждены были отступить, неся

огромные потери». 3 ноября 1919 г. Галицкая армия перешла на сторону ВСЮР. Армия была отведена в тыл. «По спискам, едоков в ней числилось 50 тыс.» Как свидетельствует А. Деникин, «Галицкая армия сохранила до конца дисциплину и полную лояльность. Но потрясенная морально, изможденная физически, страшно нуждающаяся, имевшая до 10 тыс. больных сыпным тифом, в тот краткий срок, который предоставлен развертывающимися событиями, армия не могла вернуть своей боеспособности»²⁴. О том, что общерусские интересы для галичан оказались выше украинских, упоминает А. Горянин. Он отмечает, что Галицкая армия присоединилась к Деникину «в трудные дни ноября, когда уже началось ее отступление от Орла и Воронежа»²⁵. Лояльность традиционной российской государственности галичане сохранили и в дальнейшем. Не случайно в своих мемуарах П.Н. Врангель упомянул, что галицкое правительство Е. Петрушевича провозгласило единение с Россией²⁶.

В начале 1920 г. соединения Галицкой армии перешли на сторону Красной армии, были включены в состав 12-й и 14-й армий и приняли участие в войне с Польшей²⁷. Большевики сознавали, что в этнокультурном плане русины отличались от малороссов, а украинская идея в то время была непопулярна среди населения. Поэтому, после вступления Красной армии летом 1920 г. на территорию Восточной Галиции, 8 июля был создан Галицкий революционный комитет, который 15 июля провозгласил создание Галицкой Советской Социалистической Республики. Началось формирование Галицкой Красной армии. В сентябре Польша снова оккупировала Восточную Галицию, и ГССР перестала существовать²⁸.

В сентябре 1939 г. Восточная Галиция вошла в состав СССР, Северная Буковина и Бессарабия были присоединены к СССР в июне 1940 г. В 1940 г. в русинских селах освобожденной от румын Бессарабии все были записаны русскими. А после Второй мировой войны, в 1949 г., их уже записали украинцами²⁹. В сталинские времена не могло идти и речи о свободном выборе национальной принадлежности. В этих регионах, по мнению советских властей, русскими могли быть только белогвардейцы. Поэтому становится понятным, почему в 1944 г. К.Д. Богатырец, лидер русинского движения Буковины, осужденный за свои убеждения австрийским судом, в анкете указал свою национальность как «украинец». В советские времена, отмечает Н. Пашаева, национальность «русский» и «украинец» воспринимались как идентичные понятия. Она же указывает, что русские галичане восприняли присоединение Восточной Галиции к СССР «как воплощение надежд на русское государство "от Карпат до Камчатки" и соблюдали полную лояльность советской власти»³⁰. В то же время заполнение

К. Богатырцем анкеты на литературном русском языке показывает, что от своих убеждений он не отрекся.

То обстоятельство, что часть потомков русинов до сих пор продолжает определять свою национальную принадлежность как «русин» (либо этнос, либо субэтнос), выражает стремление хранить **«заветы предковской жизни»**³¹. К сожалению, во времена правления Л.Д. Кучмы в 1996 г. был принят антидемократический «План мероприятий по решению проблем украинцев-русинов», который перевел этнокультурный вопрос в политическую плоскость и допускал не только силовое подавление этнокультурной самобытности русинов и их потомков, но и переносил действие плана на соседние страны. В своей книге «Украина – не Россия» Л. Кучма так выразился в отношении соседней страны: «Хотя Словакия никак не поддерживает русинское движение, оно все равно вносит диссонанс в украинско-словацкие отношения»³².

Как показало время, подобные большевистские методы решения проблемы (этнокультурное подавление с привлечением силовых структур, прокуратуры, местной администрации, внешнеполитического ведомства и т.д.) только спровоцировали этнополитический конфликт и нанесли ущерб международному престижу Украины. «Русинский вопрос», заключающийся в законном праве русинов сохранять свою самобытность, новым властям Украины все равно придется решать, причем демократическим путем. Хочется надеяться, что одним из первых шагов к урегулированию так называемого «русинского вопроса» (большой частью надуманного и излишне политизированного) станет отмена действия пресловутого «Плана мероприятий». Официальному Киеву придется признать, что в демократическом обществе каждый гражданин вправе свободно решать вопрос о национальной принадлежности.

Имея общих предков, потомки русинов сегодня относят себя к украинцам, русским, русинам (как к отдельному восточнославянскому народу), румынам, молдаванам, словакам, венграм, полякам, американцам, канадцам, сербам... Но, независимо от того, кем мы, потомки русинов, считаем себя сегодня, мы не имеем права забывать о своем происхождении и должны чтить память предков. Свою лепту в это вносит издаваемый нами международный исторический журнал «Русин».

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Русин – самоназвание населения Древней Руси. Сам этноним «русин» - производное от слова Русь. Упоминается в литературных памятниках с X в. (к

примеру, в текстах договоров с греками князя Олега (912 г.) семь раз, князя Игоря (945 г.) - шесть, в «Русской правде». См.: Лаврентьевская летопись. Вып. 1. Повесть временных лет. ПСРЛ. Т. 1. Л., 1926. Стб. 34-35, 50-52; Ипатьевская летопись. ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1908. Стб. 25-26, 38, 40; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950. С. 176). Долгое время данный этноним сохранялся на всей территории, входившей в состав Древнерусского государства: Малороссии, Белоруссии, Великороссии, Карпатской Руси. Тверской купец Афанасий Никитин писал в «Хождении за три моря» (XV в.): «А в том в Чюнере хан у меня взял жеребца, а уведал, что яз не бесерменянин – русин» (Никитин Афанасий. Хождение за три моря // История отечества в романах, повестях, документах. Век XV-XVI. М., 1987. С. 451.). К середине XIX в. этноним «русин» оставался широко распространенным в качестве самоназвания населения Карпатской Руси (Галичина, Буковина, Угорская Русь), чьи земли находились под владением Австро-Венгрии, а также населения севера Бессарабии и Холмщины. Второй этноним населения Карпатской Руси – «руснак». Этот внешний этноним возник как противопоставление этнониму «поляк» и прослеживается, по крайней мере, с начала XV в. Русины подразделялись на ряд этнокультурных групп: бойки, лемки, подоляне, гуцулы, покутяне, верховинцы, долиняне и другие. Австро-венгерские власти называли своих русских подданных русины, рутены (нем. Russinen, Rutnenen), в отличие от русских - российских подданных.

2. Бузина О.А. Тайная история Украины-Руси. К.: Издательство «Довіра», 2006. С. 289.

3. Не надо забывать, что в то время термин «украинец» носил не этнический, а, как обоснованно считает Н.М. Пашаева, «скорее национально-политический характер» (Пашаева Н.М. Очерки истории русского движения в Галичине XIX- XX вв. М.: Издательство «Имперская традиция», 2007. С. 8). Это было «антирусское меньшинство» (Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма. М.: Издательство «Индрик», 1996. С. 213).

4. Суляк С.Г. Осколки Святой Руси. Очерки этнической истории руснаков Молдавии. Кишинев: Издательский дом «Татьяна», 2004. С. 119-120.

5. Буркут И.Г. Русины Буковины: историческая судьба этнонима // Мысль. Теория. Практика. Публицистика. Общественно-политический журнал Партии коммунистов Республики Молдова. [Кишинев]. № 2 (24). Май. 2004. 65-71.

6. Суляк С.Г. Замена этнонима – прелюдия этнокультурной трансформации. Мысль. С. 72-75.

7. Подробнее см.: Суляк С.Г. Талергоф и Терезин: забытый геноцид // Международной исторический журнал «Русин». [Кишинев]. 2008. № 3-4 (13-14). С. 69-75.

8. Заповольський В.М. Буковина в останній війні Австро-Угорщини 1914-1918. Чернівці: Золоті литаври, 2003. С. 54

9. Буркут И.Г. Русины Буковины: историческая судьба этнонима. С. 70. Заповольський В.М. Там же.

10. Заповольський В.М. Там же. С. 221.

11. Если просто набрать www.svoboda.org, то автоматически осуществляется переход на сайт «Радио Свобода»: <http://www.svobodanews.ru/>

12. НАРМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7945. Л. 100.

13. *Дикий А.* Неизвращенная история Украины-Руси. С древнейших времен до начала XIX в. Москва: Самотека, 2007. С. 68.

14. *Пашаева Н.М.* Очерки истории русского движения в Галичине XIX-XX вв. С. 132-133. В.Р. Ваврик продолжил, в частности, исследования по геноциду русинов в годы Первой мировой войны. См., например: *Ваврик В.Р.* Терезин и Талергоф // Геноцид карпаторусских москвофилов – замолчанная трагедия XX в. М.: ФГУП Издательство «Известия», 2007. С. 68 - 111. Здесь же помещена «Библиография Талергофа» Р.Д. Мировича. С. 111 - 144. Всего 355 изданий. Электронная версия книги см. <http://www.ukrstor.com>

15. *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914-1918 гг.. М.: Аст, Мн: Харвест, 2005. С. 572.

16. *Марчуков А.В.* Украинское национальное движение: УССР. 1920-1930-е годы: цели, методы, результаты. М.: Наука, 2006. С. 29.

17. *Субтельный О.* Україна: історія. Київ: Либідь, 1993. С. 459.

18. *Полонська-Василенко Н.* Історія України від середини XVII століття до 1923 року. Т. 2. Київ, Либідь, 2002. С. 529.

19. *Субтельный О.* Україна. Історія. С. 460.

20. *Полонская-Василенко Н.* Історія України від середини XVII століття до 1923 року. Т. 2. С. 531-532.

21. *Горянин А.Б.* Мифы о России. М.: Pentagrafic. Ltd, 2001. С. 192-193.

22. *Полонская-Василенко Н.* Історія України від середини XVII століття до 1923 року. Т. 2. С. 532.

23. *Субтельный О.* Україна. Історія. С. 460.

24. *Деникин А.И.* Очерки русской смуты: Вооруженные силы юга России. Заключительный период борьбы. Январь 1919 – март 1920. Мн.: Харвест, 2002. С. 289-290.

25. *Горянин А.Б.* Мифы о России. С. 193.

26. *Врангель П.Н.* Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.) Ч. 2. М.: Терра, 1992. С. 345.

27. *Какурин Н.Е.* Как сражалась революция. Т. 2. 1919-1920 гг. М.: Политиздат, 1990. С. 201.

28. *Суляк С.Г.* Русины в период Первой мировой войны и русской смуты // Международный исторический журнал «Русин». [Кишинев]. 2006. № 1 (3). С. 60-61.

29. *Суляк С.Г.* Осколки Святой Руси. С. 129.

30. *Пашаева Н.М.* Очерки истории русского движения в Галичине XIX-XX вв. С. 133-134.

31. *Костомаров Н.И.* Задачи украинофильства // Вестник Европы. Т. I. Февраль. 1882. С. 898. Полностью фраза звучит так: «Малорус верен своему царю, всюо душою предан государству; его патриотическое чувство отзывчиво и радостью и скорбью к славе и к потерям русской державы ни на волос не менее великоруса, но в своей домашней жизни, в своем селе или хуторе он свято хранит заветы предковской жизни, все ее обычаи и приемы - и всякое посягательство на эту домашнюю святыню будет для него тяжелым незаслуженным оскорблением». Слова, сказанные в свое время Н. Костомаровым в отношении малороссов, сегодня вполне можно применить к русинам и их потомкам.

32. *Кучма Л.Д.* Украина – не Россия. М.: Издательский дом «Время», 2003. С. 54.